

УДК 811.161.1

ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА КАК ИСТОЧНИК ЛИТЕРАТУРНО-КНИЖНОГО СТИЛЯ ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ В.В. РОЗАНОВА

Карташова Е.П.

*ФГОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, e-mail: elena.kartashova@ro.ru*

Проза В.В. Розанова – это интересный феномен русского литературного языка, родившийся на рубеже XIX–XX веков. Труды В.В. Розанова отражают уникальность его литературного таланта, позволившего философу стать как бы вершиной, соединяющей два века в развитии русской национальной культуры. Философско-публицистические сочинения В.В. Розанова завершают век XIX; в них сконцентрированы все главные темы русского консерватизма: монархизм, православие, патриотизм, судьба России, непримиримость к позитивизму. С другой стороны, своим литературным гением он поставил высокую планку для достижений литературного творчества последующих поколений XX века, которую, в сущности, никому не удалось преодолеть, так как талант Розанова-стилиста был настолько оригинален и самобытен, что он по определению не мог иметь продолжателей, последователей и учеников.

Ключевые слова: литературно-философская проза В.В. Розанова, русский литературный язык рубежа XIX–XX веков, уникальный литературный стиль В.В. Розанова

RUSSIAN SLAVOPHILE TRADITION AS A SOURCE OF LITERARY STYLE OF PHILOSOPHICAL JOURNALISTIC WORKS BY V.V. ROZANOV

Kartashova E.P.

Mari State University, Yoshkar-Ola, e-mail: elena.kartashova@ro.ru

Prose by V.V. Rozanov is an interesting phenomenon of Russian literary language which was born at the turn of XIX–XX centuries. Books by V.V. Rozanov reflect the uniqueness of his literary talent which allowed the philosopher to become a writer connecting two centuries in the development of Russian national culture. Philosophical and journalistic writings by V.V. Rozanov complete the XIX century concentrating within all the main themes of Russian conservatism: monarchism, orthodoxy, patriotism, the historical way for Russia, intransigence of positivism. On the other hand, his literary genius set a high bar for the literary achievements of subsequent generations of the twentieth century which, in fact, nobody has been able to reach, as Rozanov's stylistic talent was so original and distinctive that certainly could not have successors, followers and disciples.

Keywords: literary and philosophical prose by V.V. Rozanov, the Russian literary language of the XIX–XX centuries, a unique literary style of V.V. Rozanov

Актуальность исследования стилистико-языковых особенностей литературно-философской прозы В.В. Розанова в контексте развития русского литературного языка рубежа XIX–XX веков определяется уникальностью его литературного таланта, позволившего философу стать как бы вершиной, соединяющей два века в развитии русской национальной культуры. Своими философско-публицистическими сочинениями В.В. Розанов завершает век XIX; в них сконцентрированы все главные темы русского консерватизма: монархизм, православие, патриотизм, судьба России, непримиримость к позитивизму. Этот период своего творчества сам философ называл «Катковско-Леонтьевским периодом». С точки зрения языка все философско-публицистическое творчество Розанова продолжало развивать и обогащать книжно-письменные традиции классической повествовательной нормы XIX века, выработанные в рамках публицистического стиля: «Так исторически сложилось, что развитие языковых

средств выражения отвлеченных идей в период формирования общенациональной литературной нормы в России совершается в условиях публицистического стиля. Это связано с тем, что, как известно, русская общественная мысль имеет своей единственной трибуной журналистику и прежде всего литературную критику» [1, 39]. Именно национальные идеи русского консерватизма, облеченные в книжно-письменную, высокую образно-выразительную форму, обратили внимание кружка петербургских «живых славянофилов» Н.Н. Страхова, Н.П. Аксакова, И.Ф. Романова, Т.И. Филиппова к фигуре В.В. Розанова, провинциального учителя с гениальными задатками.

Философско-литературное творчество В.В. Розанова, зрелого мастера оригинальной прозы, стилиста «Божьим Промыслом», представленное произведениями новаторской жанровой и языковой формы («Уединенное», «Опавшие листья», «Мимолетное», «Смертное», «Последние листья»), открыло новые перспективные пути

для дальнейшего развития русского литературного языка XX века.

Таким образом, положение В.В. Розанова в истории русской национальной культуры уникально, так как он своим многогранным самобытным философско-публицистическим творчеством, с одной стороны, завершил золотой XIX век, век расцвета консервативной русской национальной идеи и классического русского литературного языка; с другой стороны, своим последующим литературным гением поставил высокую планку для достижений литературно-языкового выражения последующих поколений XX века, которую, в сущности, никому не удалось преодолеть, так как талант Розанова-стилиста был настолько оригинален и самобытен, что он по определению не мог иметь продолжателей, последователей и учеников.

Но вернемся к истокам розановского стиля, к тем традициям, которые сформировали стиль и слог молодого В.В. Розанова. В 40–60 годах XX века в русской общественной и литературной мысли возникло новое направление – славянофильство, отстаивающее в противоположность западничеству особые самобытные внеевропейские тенденции в развитии России. Термины «славянофильство» и «западничество» были достаточно условны и не выражали всей сложности воззрений их ведущих деятелей. Сами славянофилы вначале относились к этому термину отрицательно, предлагая, по их мнению, более соответствующие их взглядам термины: «славянохристианское», «московское», «истинно русское» мировоззрение. Были и неуклюжие попытки: например, А.И. Кошелев считал, что гораздо уместнее такие названия, как «туземники», «самобытники», подчеркивающие интерес к самобытным началом русской жизни и истории. Но и эти понятия не привились, так как звучали достаточно архаично. «Западники» тоже не очень точное название, так как представители этого течения не разделяли все тенденции в развитии западной культуры и литературы. Но все же в истории русской философии и культуры удержались именно эти термины. Основы славянофильского учения заложили А.С. Хомяков и И.В. Киреевский (к ним примкнули П.В. Киреевский, А.И. Кошелев). Позже их начали называть старшими славянофилами. В основе их философского учения лежала идея о мессианской роли русского народа, о его религиозной и культурной самобытности и даже исключительности. Исходный тезис учения славянофилов состоит в утверждении решающей роли православия для развития всей

мировой цивилизации. По мнению А.С. Хомякова, именно православие сформировало то исконно русское начало, тот русский дух, который создал русскую землю. Важной заслугой славянофилов в культуре и искусстве была постановка вопроса о национально-исторических истоках русской культуры, стремление изучить эти истоки. Настоящим подвижничеством является собрание народных песен П.В. Киреевским. Для истории русского литературного языка несомненна ценность труда К.С. Аксакова «Опыт русской грамматики», где он попытался показать отражение в грамматическом строе языка национально-психического склада русского народа. В 40 годах к старшим славянофилам примкнули «младшие» Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, а также ряд историков, публицистов, общественных деятелей, разделяющих их взгляды, к ним можно отнести М.П. Погодина, Н.П. Аксакова, Н.Н. Страхова, Т.И. Филиппова, а позднее и В.В. Розанова. Стараниями Страхова В.В. Розанов оказался в кружке «живых славянофилов», переехав в Петербург из провинциального Ельца. Именно в Ельце Розанов написал статьи, обратившие на него внимание читающей интеллигенции, в том числе и славянофилов, это прежде всего «Место христианства в истории», «Сумерки просвещения», «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского», в которой Розанов исследовал природу российского нигилизма, а если говорить шире, то вообще всего радикализма XIX века. Впоследствии Розанов вынесет жесткий приговор идеям радикализма и позитивизма в статье «Почему мы отказываемся от наследства 60–70 годов». В целом В.В. Розанов разделяет позицию славянофилов о самобытном пути развития России, о роли православия в формировании национального характера. В книге «Сумерки просвещения» он осмысливает проблемы школьного образования, его рутинность, бесперспективность, отсутствие национальной идеи в воспитании подрастающего поколения: «Незаметно и неуклонно мы переделываем самую структуру русской души на манер иностранной. Мы на всех поприщах духовной и общественной жизни представляем слабость национального сознания, что не имеем привычек русских, ни русских мыслей. ...Мы учимся патриотизму – на образцах французской чести, семейной домовитости – на исторических рассказах о швейцарцах и средневековых германцах. Это духовная перспектива, навязанная школою» [5, 188]. Из всех славянофилов В.В. Розанову были ближе всего А.С. Хомяков и позже К.Н. Леонтьев.

Книги Леонтьева, особенно «Восток, Россия и славянство», привлекли Розанова не только социальными доктринами оригинального свойства, но и неподражаемым самобытным стилем. Это была еще и высокая литература, созданная мастером-стилистом, пусть холодная в своем эстетическом совершенстве, но от того, может быть, еще более притягательная. Это была красивая проза, само чтение которой возвышало и воспитывало читателя. Высокую оценку достижениям К.Н. Леонтьева как стилиста Розанов высказал в письмах к нему: «Решительно, прочтя страницы 2–3 «Анализа», я уже видел ясно, что имею перед собой человека безмерной внутренней силы, тонкой неосшибающейся пронизательности и совершенно не стесняющегося ничьим присутствием. Читатель, конечно, стоит где-то в стороне, но вы его не видите – и разговариваете сам с собою. От этого невыразимая прелесть языка Вашего, этих отрывочных, сухих и точных фраз» [4, с. 466].

Важной заслугой славянофилов в культуре и искусстве была постановка вопроса о национально-исторических истоках русской культуры, поэтому для них было естественным обратиться к книжно-славянскому литературному источнику, к той истине сокровищнице литературного выражения, важность которой для письменного языка обосновал еще А.С. Пушкин в своих лингвистических работах. В.В. Розанов, во многом разделяя мировоззренческие позиции славянофилов, высоко оценив литературно-философский стиль сочинений К.Н. Леонтьева, сам явился продолжателем этих литературно-книжных традиций, восходящих к книжно-славянскому типу языка. Многие современники В.В. Розанова отмечали его мастерское владение литературной техникой прошлого. Так В.Н. Ильин, известный на рубеже веков религиозный мыслитель, публицист, литературный критик, считал, что Розанов был «очень образованным и даже по старинному, классическому греко-латинскому образцу ученым писателем» [2, 410]. Естественно, это обстоятельство самым непосредственным образом отразилось в языке его произведений, в его богатой книжно-литературной манере. Анализ языка философско-публицистической прозы В.В. Розанова свидетельствует об абсолютном владении «сокровищницей и техникой прошлого». По образному замечанию В.Н. Ильина, Розанов только тогда смог создать свой неповторимый оригинальный слог, который узнавался с трех строк, когда «овладел старой красотой внутренне и внешне и когда старая красота овладела им внутренне и внешне. Розанов мог бы

с чистой совестью сказать: я все это исходил вдоль и поперек; я все это знаю, я перед всем этим преклоняюсь, и, наконец, я всем этим владею и могу творить такое же. Только тогда я могу позволить себе ... абсолютно новое, непохожее и которое может показаться ломкой, взрывом, даже истреблением старого...» [2, 411].

Безусловно, на формирование литературного таланта В.В. Розанова оказало известное влияние его филологическое образование, полученное на историко-филологическом факультете Московского университета. Как показывает анализ сочинений Розанова историко-культурной тематики, и прежде всего исследований, посвященных филологическому разбору идейного содержания, стилевых особенностей произведений мастеров русской классики XIX века А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и многих других, Розанов обладает не только исследовательским талантом, но и поразительной лингвистической интуицией, которая приводит философа к оригинальным открытиям чисто филологического свойства. Интересно проанализировать некоторые высказывания В.В. Розанова по поводу формирования индивидуально-авторского стиля и того, как авторские стили развивают, двигают эволюцию книжно-письменного изложения в целом. Взгляд Розанова исключительно актуален с точки зрения современного подхода к изучению индивидуально-авторского стиля в глубинной связи его с личностью самого автора. Розанов видит за текстом автора, творческую индивидуальность, человека со свойственными ему мирозерцанием, кругом интеллектуальных интересов, эмоциональным миром, видит языковую личность: «Во всяком создании, где шевельнулся творческий дух, непременно отражается в неуловимых особенностях личность его создателя, не сливающаяся ни с каким другим лицом в истории, творит человек, то есть приносит нечто в мир всегда не общим, что у него есть с другими людьми, но исключительным, что принадлежит ему одному» [5, 14]. В литературно-критической статье «Гоголь» В.В. Розанов так определяет стиль: «Есть стиль языка, но есть еще стиль души человеческой и, соответственно этому, есть стиль целостного творчества, исходящего из этой души. Что такое стиль? Это план или дух, объемлющий все подробности и подчиняющий их себе... Стиль автора есть особая ковка языка или характер избираемых им для воплощения сюжетов, наконец, – способ обработки этих сюжетов, связанный с духом автора и вполне выра-

жающий этот дух. Известно, что каждый сильный автор имеет свой стиль; и только имеющий свой стиль автор образует школу, вызывая подражателей, чем оригинальнее, поразительнее и новее стиль, чем, наконец, он прекраснее, тем большее могущество вносит с собою писатель в литературу» [4, 119]. Для истории русского литературного языка в те периоды, когда происходило формирование языковой нормы, важным оказывается не только диахронный аспект изучения, но и синхронный, с точки зрения современников исторической эпохи, «современники острее чувствовали то новое, что появлялось в поэтических и стилистических приемах, системах, взглядах, образах кумиров на фоне привычного, устойчивого, усредненного. По-настоящему исследовательский подход состоит в восприятии текста на фоне читательских ожиданий времени автора» [6, 426]. Таким образом, для нас оказывается важным мнение В.В. Розанова по поводу определения вклада корифеев русского слова в русскую культуру, литературу, литературный язык. Эта оценка дает богатый аналитический материал для размышлений над эволюцией стиля сочинений самого Розанова. Так, философ считал, что «за XIX век русская литература пережила три стиля: карамзинский, пушкинский и гоголевский. «Стиль Карамзина равно владеет формой и содержанием, отражаясь на ковке фразы и выборе предметов повествования. он везде благоразумен... не «бурлит чувствами» ... Язык и все творения Карамзина прекрасно-однообразны... Всякий благородный русский должен любить Карамзина... .. Сущность Пушкина выражается в совершенной естественности в нем русского, возвеличившегося до величайшей, до глубочайшей и высочайшей общечеловечности... Пушкин открыл русскую душу – вот его заслуга, он речами своими и манерой вызвал всю душу русскую наружу, так сказать, потащил душу на лицо... Гоголь был какой-то кудесник. Он создал третий стиль. Этот стиль назван «натуральным». Но никто, и Пушкин, не создавал таких чудодейственных фантазий» [4, 120]. Для исследователей русского литературного языка вызывающим удивление фактом является то, что Розанов один из первых или самый первый употребил выражение «серебряный период», «серебряный век» русской литературы. Правда, Розанов разработал свою оригинальную периодизацию русской литературы, отличную от общепринятой, он считал, что «золотой век» русской культуры и литературы был связан с именем Пушкина; «серебряный век» русской литературы – это 40–70 годы: «Известно, Пушкин был зе-

нитом того движения русской литературы, которое прекрасно закатывалось, все понижаясь, в «серебряном веке» нашей литературы, 40–50–60–70-х годов, в Тургеневе, Гончарове и целой плеяде рассказчиков русского быта, мечтателей и созерцателей тихого штиля» [4, 139]. Розанов полагает, что именно «серебряный период», представленный такими литературными талантами, как Тургенев, Гончаров, Островский, Достоевский, Толстой, в противовес «золотому веку», представленному писателями от Карамзина до Гоголя, стал основой развития современного ему литературного языка: «Все содержание и форма собственно развития русского, каково оно есть сейчас, идет уже от «серебряного периода» русской литературы, уступавшему предыдущему в чеканке формы, но неизмеримо его превосшедшему содержанием, богатством мысли, разнообразием чувств и настроений, психологичности языка» [4, 145].

Следующую по степени значительности роль в создании языковых норм классического русского литературного языка, в продолжении его высоких книжно-письменных традиций Розанов отводил славянофилам, считая, что «славянофильство – тяжеловесный фонд нашей культуры, нашей общественности и цивилизации» [4, 607]. Розанов гораздо позже, в 1915 году в «Мимолетном» так образно и лапидарно выразил мысль о роли славянофилов в русской культуре: «Славянофильства нельзя изложить в 50-копеечных брошюрках (Каутский). Славянофильство непопулярно. Но это – его качество, а не недостаток. От этого оно вечно. Его даже вообще нельзя никак «изложить». Его можно читать в его классиках. Научиться ему. Это – культура. В «век разрушения» (XIX в.) они одни продолжали строить, продолжали дело царей и мудрецов. Осанна... Как радостна эта мысль» [3, 80].

Обобщая и систематизируя исследовательские выводы В.В. Розанова о роли предшествующей традиции в образовании и развитии русской культуры, литературы, литературного языка, можно утверждать, что если до сих пор мы ощущаем себя русскими, ощущаем богатые национальные корни русского литературного языка, мы должны быть исторически благодарны русской классической литературе и философии славянофильства, впервые давшей почувствовать русским их национальную самобытность, своеобразие и ценность русского пути в развитии общечеловеческой цивилизации. Исповедуя высокие идеалы классической русской литературы, имея

перед собой высокие образцы национального мышления славянофилов и формы их словесного воплощения, Розанов явился гениальным продолжателем и, как ни парадоксально, «завершателем» традиций классической повествовательной нормы, выработанной классическим XIX веком.

Написано при поддержке гранта РГНФ 14-34-01011.

Список литературы

1. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. – М., 1974.
2. Ильин В.Н. Стилизация и стиль. Ремизов и Розанов // Василий Розанов: pro et contra. Антология. Книга II. СПб., 1995.
3. Розанов В.В. Мимолетное // Собрание сочинений. Мимолетное. – М., 1994.
4. Розанов В.В. О писателях и писательстве // Собрание сочинений. О писателях и писательстве. – М., 1995.
5. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990.
6. Чапаева Л.Г. Особенности бытования и восприятия художественного текста в 30–40-е годы XIX века // Структура и семантика художественного текста: МГОПУ, М., 1999.

References

1. Bel'chikov Ju.A. Russkij literaturnyj jazyk vo vtoroj polovine XIX veka. M., 1974.
2. Il'in V.N. Stilizacija i stil'. Remizov i Rozanov//Vasilij Rozanov: pro et contra. Antologija. Kniga II. SPb., 1995.
3. Rozanov V.V. Mimoretnoe//Sobranie sochinenij. Mimoretnoe. M., 1994.
4. Rozanov V.V. O pisateljah i pisatel'stve//Sobranie sochinenij. O pisateljah i pisatel'stve.- M.,1995
5. Rozanov V.V. Sumerki prosveshhenija. M., 1990.
6. Chapaeva L.G. Osobennosti bytovanija i vosprijatija hudozhestvennogo teksta v 30–40-e gody XIX veka // Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: MGOPU, M., 1999.

Рецензенты:

Калинина А.А., д.фил.н., профессор кафедры русского и общего языкознания, ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола;

Карпов И.П., д.фил.н., профессор кафедры русского и общего языкознания, ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола.

Работа поступила в редакцию 28.12.2014.